

«Провожая старый год и встречая новый... Сегодня мы собрались здесь, чтобы отпраздновать уход две тысячи двадцатого и поприветствовать наступающий две тысячи двадцать первый!»

Лу Сяонань перевернула страницу своего сценария и зачитала дальше, подражая строгому тону учебной части:

«Однако в этот праздничный день долг обязывает меня напомнить вам о суровой реальности. До Единого государственного экзамена две тысячи двадцать второго года осталось четыреста шестьдесят четыре дня. А до конца семестра и финальных экзаменов во втором классе — ровно пятнадцать дней. А ты... взялся за ум?»

Класс, только что шумно деливший мандарины и сладости, дружно застонал.

«Ладно, в такой великий день не будем о грустном, — Лу Сяонань перелистнула страницу. — Позвольте представить вам десять главных событий Экспериментального второго класса за уходящий две тысячи двадцатый год!»

«Событие десятое. На перемене наша бравая четверка забила в мужской туалет, где нос к носу столкнулась с директором Чжао. Тот решил, что парни курят толпой, и потащил их в учебную часть. Каково же было удивление директора, когда выяснилось, что они просто тайком делили перепелиные яйца».

Под дружный хохот класса виновники торжества дружно опустили головы, мечтая провалиться сквозь землю в этот момент публичного позора.

«Событие девятое. В день, когда навалило сугробов, Юй Шаочунь совершил безумный поступок — соорудил самодельные сани и покатил на них в школу. По трагической случайности прямо у ворот он сбил с ног директора Чжао, за что был приговорен к уборке снега вместо двух уроков самоподготовки».

Юй Шаочунь, стоя у двери, с вежливой улыбкой отвесил классу изящный поклон. Его чудосани до сих пор пылились под замком в камерке у школьного охранника. Каждый раз, проходя мимо, Юй разыгрывал душераздирающую сцену трагического расставания со своим «экипажем».

«Событие восьмое. Тан Цянь, Ли Гохэо и Тай Мэй были пойманы директором Ляном за игрой в карты на вечерней самоподготовке. В наказание их заставили два часа играть в „Дурака“ прямо в кабинете завуча».

«Событие седьмое. Юй Шаочунь совершил невозможное — заставил нашего отличника Фэн Чжоу отложить учебники и присоединиться к каткам в пятером».

Фэн Чжоу на секунду опешил. Он никак не ожидал, что его имя всплывет в этом итоговом

отчете.

«Событие шестое. По результатам прошлых ежемесячных экзаменов наш класс трижды занимал первое место по средней успеваемости — всего на два раза меньше, чем первый класс по соседству. В новом полугодии поднажмем, ребята!»

«Событие пятое. По результатам тех же экзаменов Фэн Чжоу в очередной раз незыблемо воцарился на первом месте во всей параллели».

«Событие четвертое. И по тем же результатам... Юй Шаочунь упрямо удерживает звание нашего вечного второго».

Фэн Чжоу невольно покосился на стоящего у двери Юй Шаочуня. Тот тоже смотрел на него. Заметив взгляд отличника, этот придурок провел ребром ладони по горлу — явная угроза и вызов. Фэн Чжоу сразу вспомнил его нелепый перевод с английского, и уголки его губ дрогнули, едва не выдав рвущийся наружу смех.

«Событие третье, — Лу Сяонань прочистила горло. — Наш класс проявил твердость духа в защите своих прав и заставил учителя-тирана собрать шмотки и выметаться из школы. Всеобщее ликование!»

«Событие второе. Фэн Чжоу и Юй Шаочунь, забыв о себе, докопались до правды об утечке экзаменационных заданий и вернули всем нам шанс доказать, чего мы стоим на самом деле».

«И наконец, последнее, — Лу Сяонань окинула взглядом притихший класс. — Мы пришли сюда из разных мест, но судьба свела нас в одном кабинете. Это настоящее чудо. Спасибо вам за эту встречу, и пусть будущее каждого из нас будет ярким!»

Фэн Чжоу захлопал вместе со всеми. К своему удивлению, он поймал себя на мысли, что помнит каждое из этих десяти событий так отчетливо, словно все случилось только вчера.

«Не будем затягивать сентиментальную часть. Встречайте — Юй Шаочунь с музыкальным номером под гитару! Название песни он мне так и не раскрыл».

Дежурные ребята быстро вытащили на импровизированную сцену стул и установили стойку с микрофоном.

Юй Шаочунь вошел в класс в своем фирменном ярко-оранжевом плаще. Он эффектным жестом снял темные очки, помахал зрителям и уселся с таким видом, будто давал сольный концерт на стадионе:

— Пою впервые, так что если сфальшивлю — не судите строго. Записывать на видео можно, но выкладывайте в сеть только с хорошим звуком и приличными фильтрами, договорились? Чтобы

все по первому разряду.

Он поправил микрофон и положил ладонь на струны гитары. Лу Сяонань тут же выключила в классе свет. Ребята зажгли фонарики на телефонах и принялись покачивать ими из стороны в сторону, словно неоновыми палочками на настоящем концерте.

Фэн Чжоу тоже достал телефон. Случайно посмотрев в окно, он заметил, что на улице пошел густой снег.

Юй Шаочунь мягко ударил по струнам, и показалось, будто даже снежинки за стеклом замедлили свой бег.

«Он пришёл на мой концерт... В свои восемнадцать, на первое свидание первой любви...»

Когда Юй Шаочунь пел, его голос звучал совсем не так, как во время его привычного дурачества. В нем появилась какая-то щемящая юношеская искренность, похожая на незрелые, едва подернутые зеленью лесные ягоды. В этой незрелости крылось особое, еще не знающее преград очарование молодости. И бесконечный потенциал.

— А наш Шаочунь, оказывается, парень с сюрпризом, — тихо шепнул кто-то рядом.

Фэн Чжоу слушал и мысленно усмехался.

«Ишь, распустил павлиний хвост. Знали бы они, какой лесной черт еще пару дней назад выл на видеозвонках песни про любовь и горы».

Но от этих мыслей на душе становилось как-то тепло и весело.

Остальные видели в Юй Шаочуне лишь гляцевую картинку: богатый наследник, умница, красавец, да еще и на гитаре бренчать умеет. И только Фэн Чжоу знал, какой за этим фасадом скрывается взбалмошный, порой безумный и несносный мальчишка. Ребенок, который просто верит в свою счастливую звезду.

Когда песня смолкла и класс взорвался аплодисментами, Фэн Чжоу очнулся от своих мыслей. Он вяло похлопал и заметил, что Юй Шаочунь даже не думает вставать.

Это не входило в их планы. Когда они обсуждали выступление, Юй Шаочунь говорил только об одной песне.

Юй Шаочунь постучал по микрофону:

— Раз уж вы так тепло меня принимаете, исполню для вас еще одну.

Что теперь? «□□□□»? «Любить до смерти»?

Он окинул взглядом море качающихся огоньков и на секунду задержал взор в темном углу, где сидел Фэн Чжоу.

— Вообще-то я сказал «для вас», но на самом деле эта песня посвящается одному конкретному человеку.

— Все мы — лишь крупички среди семи миллиардов углеродных организмов, и нам не уйти от банальных законов жизни и смерти. Мы приходим в этот мир одни и уходим тоже одни. Звучит тоскливо, правда? Но здорово, что на этом пути нас кто-то сопровождает. Как Юпитер сопровождают его верные луны — Ио, Европа, Ганимед. В новом году я желаю планетам со спутниками еще сильнее притягивать друг друга. А одиноким звездам — поскорее отыскать свои спутники.

В классе тут же зашептались, пытаясь угадать адресата. Девочки из своего класса? Или из параллельного? Сосед толкнул Фэн Чжоу локтем:

— Эй, отличник Фэн, как думаешь, Шаочунь в кого-то из наших влюбился?

Фэн Чжоу покачал головой:

— Без понятия.

Его пальцы, лежавшие на коленях, незаметно сжались.

«Одинокая звезда...»

Он вдруг вспомнил их недавний ночной разговор и теорию об «одиноких звездах». Сердце пропустило удар. Фэн Чжоу резко вскинул голову и уставился на Юй Шаочуня. Но тот уже опустил глаза и с сосредоточенным видом выводил нежный, переливчатый перебор.

Этой песни не было в программе репетиций. Фэн Чжоу никогда раньше ее не слышал. Он тихонько спросил у соседа:

— Что это за песня?

— «Кэболе», — шепотом ответил тот. — Песня Стефани Сунь.

В голове Фэн Чжоу вспыхнуло воспоминание. Тот самый никнейм, который он когда-то выбрал для игры.

Кеплер.

Kepler.

«Мерцай, мерцай, яркая звезда, похожая на твое тело...»

«Среди множества одиноких звезд я все равно найду тебя...»

«Ты сияешь в вышине, отражая мою тоску и напоминая...»

«Что я тоже всего лишь одинокая, забытая звезда».

Эта песня действительно была для него.

Фэн Чжоу растерянно посмотрел на покачивающиеся огоньки телефонов вокруг. В полумраке класса эти скромные вспышки казались бескрайним ночным небом, а его собственная «одинокая звезда» сама того не замечая уже давно растворилась в этом теплом созвездии.

Когда Юй Шаочунь закончил петь, микрофон и стул убрали, а Фэн Чжоу так и остался сидеть, словно громом пораженный.

Следом на сцену выкатилась банда во главе с Ли Гохао. Парни прикрутили к спинам швабры и веники, нацепили на головы перья, выданные из воланов для бадминтона, и объявили, что сейчас покажут современную версию «Прощай, моя наложница».

В финале Чэнь Сы картинно рухнул на руки Ли Гохао. Их долгий, полный немого томления взгляд вызвал у зрителей дружный и единодушный приступ тошноты.

Фэн Чжоу сидел, уткнувшись взглядом в щель между половицами, и пытался разобраться в хаосе собственных мыслей, когда кто-то несильно похлопал его по плечу. Он обернулся. Чья-то рука бесцеремонно схватила его за рукав и увлекла за собой из шумного класса.

Юй Шаочунь притащил его за пожарную дверь и с ходу спросил:

— Ну как? Понравилось?

— Ты...

Яркий оранжевый плащ Юй Шаочуня резал глаза в полумраке коридора. Фэн Чжоу хотел спросить про песню, но слова застряли в горле.

«А вдруг я все выдумал? Вдруг он пел совсем не для меня?»

Если спросить напрямую, это будет выглядеть глупо и самонадеянно, и этот придурок получит повод издеваться над ним до самого выпуска.

В груди шевельнулась глухая, непонятная досада. Словно проглотил незрелую дикую сливу — кислую, вяжущую, застрявшую посреди горла. Захотелось просто взять и хорошенько оттащить Юй Шаочуня за уши, чтобы полегчало.

Фэн Чжоу уже открыл было рот, чтобы высказать все, что думает, но Юй Шаочунь вдруг схватил его за руку и вложил в ладонь целую пригоршню конфет в шуршащих обертках.

— Это то, что осталось от праздничных подарочных наборов, — Юй Шаочунь заговорщически подмигнул. — Выбрал для тебя самые вкусные, клубничные. Тайком стащил, девчонкам ни одной не оставил. Если заметят — опять обвинят в предвзятости.

Фэн Чжоу тупо уставился на конфеты в своей руке:

— Это же просто «Шанхаоцзя»?

— Это экспортный вариант «Шанхаоцзя»! Понимать надо!

— И в чем разница?

— В том, что они безумно сладкие и вкусные!

— С чего это ты...

«Зачем тебе так явно выделять меня среди других?»

Юй Шаочунь словно прочитал его мысли:

— К чему лишние вопросы? Должен же я заботиться о соседе по парте и проявлять чуткость к одноклассникам? Мне, может, еще твоя помощь с английским понадобится. Съешь конфету в новогоднюю ночь — и весь год будет сладким.

На пожарной лестнице было почти темно. Лица Юй Шаочуня было не разглядеть, но его влажные, искрящиеся глаза-полумесяцы светились очень ярко. Услышав этот ответ, Фэн Чжоу

почувствовал, как сердце встало на место. Вот только принесло ли это облегчение или легкую грусть — он и сам не понял.

Юй Шаочунь шмыгнул обратно в класс, а Фэн Чжоу помедлил секунду, сорвал шуршащую обертку и отправил леденец в рот.

Люди — странные создания. Вечно ищут повода помучить себя.

А конфета... конфета и правда оказалась очень сладкой.

<http://bllate.org/book/19050/1984796>